

УДК 316.422; 316.334.3

**РЕФОРМАТОР:
СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ ИЛИ ОСОБЕННОСТИ
ЛИЧНОСТНЫХ ЧЕРТ?**

Т. И. Грицкевич

Кемеровский государственный университет

Поступила в редакцию 30 октября 2009 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу существенных признаков понятия «реформатор», характеристике его личностных и социально-ролевых черт, позволяющих выделить исторически сложившийся в культуре управления государством тип реформатора. Анализируются условия, позволяющие личности проявить себя в качестве реформатора, а также дается понимание социально приобретенных ролевых навыков личности реформатора в соответствии с внутренне присущими чертами личности (особенностей психики, нейрофизиологических задатков процесса мышления).*

Ключевые слова: *реформатор, реформирование, социальная роль реформатора, креативность, результат реформирования.*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of essential attributes of concept the reformer, the characteristic of its personal and socially-role features, allowing to allocate historically developed in culture of government type of the reformer. The author analyzes the conditions allowing the person to prove as the reformer, and as the understanding of socially got role skills of the person of the reformer in the ratio with internally inherent features of the person (features of mentality, deposits of process of thinking).*

Key words: *the reformer, reform, reformation, a social role of the reformer, the result of reforming.*

Понятие «реформатор», как и понятия «революционер», «вождь», «руководитель», является абстрагированным понятием, строящимся на существенном признаке осуществляемой деятельности в социальных отношениях. Некоторые авторы, выделяющие на основе деятельностных характеристик социальные роли личности в обществе, в понятии «реформатор» видят социальную роль управления преобразованиями в развитии общества. Несмотря на исторические свидетельства о деятельности великих и не очень великих реформаторов, остается нерешенной проблема соотношения в реформаторе личностного и социального как проблема соотношения внутренних черт, присущих личности, и социально приобретенных ролевых навыков. Действительно, что делает человека реформатором? Почему одни личности, обладая всеми необходимыми данными, не способны реформировать, а другие, придя к власти, осуществляют комплекс реформ, который становится прорывом в общественном развитии всего общества? Кто и при каких условиях становится

реформатором? Каковы особенности переплетения личного опыта, индивидуальности психики и ролевых требований к реформатору в процессах подготовки и осуществления реформы? Можем ли мы на основе изучения опыта реформирования говорить об определенных личностных чертах и социально-ролевых требованиях, позволяющих выделить некий устойчивый образ (идеальный тип, модель) реформатора? Поиск ответов на поставленные вопросы ограничен историческими реалиями жизнедеятельности уже признанных человечеством реформаторов. Попытаемся дать анализ сущностных черт реформатора и показать соотношение личного и социального в его деятельности.

В понятии «реформатор» мыслится личность, осуществляющая или осуществившая реформу [1]. Существенным отличием реформатора от других понятий, характеризующих деятельную особенность, является атрибутивное свойство социальной позиции личности, ее профессиональная деятельность, связанная с управлением общественными процессами, но особенно важна ее прогрессивная роль в осуществлении реформ, способствующих скачку в показателях развития общества. Фактически речь идет о следующих критериях, согласно которым можно определенную личность назвать реформатором:

1. Критерий осуществления преобразований, связанных с профессиональной деятельностью, а именно с государственным управлением теми или иными общественными процессами. В истории реформаторами называли личностей, связанных с реализацией государственной исполнительной власти (Петр I, Екатерина II, Елизавета, английская королева, американский президент Т. Рузвельт, премьер-министр Англии М. Тетчер). Но истории известны также примеры правовых реформ, связанных с преобразованиями в законодательной системе государственной власти (реформы С. Ю. Витте, реформы судебной системы, реформы организации институтов представительной законодательной власти). Следует также сказать и о распространении употребления понятия «реформатор» к личностям, отличившимся серьезными преобразованиями в сфере своей профессиональной деятельности (т.е. в сферах, не связанных с управлением общественными процессами), это преобразователь религиозного культа в России – патриарх Никон, церковные реформаторы – М. Лютер [2], Кальвин, У. Цвингли [3], С. Моррис, М. Кинг; это личности, отличившиеся своей уникальной профессиональной деятельностью и тем самым заложившие новые стандарты (образцы, идеалы) в данной сфере – А. Пушкин (реформатор русского языка) [4], Моцарт (реформатор музыкального направления) [5], Р. Вагнер (реформатор оперного искусства) [6], М. Фокин (реформатором театра балета) [7], М. Щепкин реформатор русского театра) [8]. Встречается также понятие «страна-реформатор» [9].

2. Профессиональная деятельность напрямую связана с разработкой и осуществлением реформирования (преобразования) в той сфере общественных отношений, в которой реализуется управление данным субъектом власти, например реформы территориально-административного

управления М. М. Сперанского, аграрная реформа П. Столыпина, экономические реформы А. Косыгина и др.

3. Осуществленные реформы (преобразования) положительно повлияли на общее развитие той или иной сферы общественных отношений; по прошествии времени свидетельствовали о разрешении противоречий, сдерживающих общественное развитие; улучшили структурно-функциональную деятельность общественных институтов; внесли новые созидательные модели социального взаимодействия. Этот критерий четко подчеркивает указание в определении понятия «реформатор» на признак «деятель, осуществивший реформу». Здесь есть прямое указание на значимость реформирования для развития общества. Возможно, данное прагматическое значение преобразования служит критерием оценки реформ названных (декларированных), осуществленных, но не принесших прогрессивных изменений. Такие личности историки как именovali, так и не именovali реформаторами. Часто упоминались понятия «великий реформатор» (Петр I, Карл Великий [10]) и просто «реформатор» (прусские реформаторы Ф. Штейн и К. Гарденберг начала XIX в. [11]). Более критичным является употребление в контексте понятий «военные реформы Аракчеева», «реформы Александра II». После описания целей данных реформ следовал критический анализ их достижений. В таком контексте речь шла уже не о реформаторе, а описывались личность инициатора, руководителя процесса реформирования, и итоги проведенных реформ.

Известный историк Сэмюэл Крамер в книге «История начинается в Шумере» написал о первом реформаторе в истории человеческого общества Энентарзи [12]. Знаменитые историки Российского государства С. М. Соловьев, Н. М. Костомаров, Н. И. Карамзин, выделяют реформы Олега Вещего (перенос столицы в Киев), Владимира I (принятие христианства), Ивана IV и патриарха Никона, а также реформы царей-реформаторов Петра I, Екатерины II, Павла I, Александра III. Затем реформационный ресурс власти, вероятно, истощился, и историки пишут о реформаторах – выходцах уже не царских кровей – графе С. С. Уварове [13], М. Сперанском [14], С. Витте, П. Столыпине [15].

Возвращаясь к вопросу – кто и при каких условиях становится реформатором – выделим проблему переплетения деятельности личности реформатора как руководителя, идеолога реформы и деятельности подчиненных, которые включены в разработку и осуществление реформы. Процесс разработки и реализации реформы сложен, поэтому один человек, будь он министром или царем, осуществить данный процесс только своей индивидуальной деятельностью не может. Есть ряд условий, которые полагаются из исторического опыта реформирования и содержатся в требовании социальной роли реформатора.

Теоретический конструкт «субъект реформирования» удобен в описании тех людей, которые вовлечены в реформационный процесс и осуществляют действия, обеспечивающие эффективность его реализации. Следовательно, все они выступают реформаторами и к ним применимы указанные критерии понятия «реформатор». Однако в реальной социо-

культурной практике наблюдается совсем иное: реформаторами не называют людей, включенных в исполнение деталей или подпроектов реформы, хотя понимают, что без исполнительного подчинения субъектов одному субъекту, наделенному большими по сравнению с ними полномочиями власти, реформа не осуществима. От желания изменить общественные отношения активным слоям разночинцев, торговцев, буржуа или предпринимателей реформирование напрямую не зависит. В лоббировании интереса реформировать есть сложившиеся социальные нормы поведения, разрешенные политическим статусом главы государства (или главы министерства, ведомства), нормы поведения исполнителей механизма реформирования (бюрократов), а также членов общества, которые будут принудительно формироваться через механизмы государственно-административного принуждения (с изменениями мер пресечения недолжного поведения в уголовном, гражданском, административном и другом праве).

Для исключения противоречивого понимания теоретического конструкта субъекта реформирования необходимо подчеркнуть его полисемантическую. Можно мыслить в понятии субъекта реформирования индивидуально каждого участника, вовлеченного в процесс реформирования, но следует сказать о наличии иерархии субъектов реформирования, основанной на принципе обладания разной степенью властных полномочий и степенью непосредственного влияния на реформационный процесс. Если механизмы формирования значений об объекте (формирование идеального) могут протекать в чем-то идентично, то основания активности субъекта реформирования будут зависеть от его политического статуса. Субъект, обладающий максимальной государственной властью на изменения в законодательстве, в проектировании социально-экономического развития общества, имеет самые большие полномочия в реформировании. Он обладает распорядительными функциями и может защищать принятие своих решений с помощью военной силы. Исторические факты свидетельствуют, как в ходе революций, военных переворотов, политических сговоров захватывается государственная власть, а затем осуществляются реформы, закрепляющие положения завоевателей. При слабой государственной власти активные представители политических, экономических или социальных слоев захватывают те властные полномочия, которыми в силу своего политического статуса обладает глава государства, и осуществляют реформы в своих целях, закрепляя ими свои завоевания. Все это подтверждает наличие иерархичности в понимании субъекта реформирования и прямую зависимость осуществления реформы от политического статуса субъекта реформирования.

Кого же, мыслимого как субъект реформирования, называют реформатором? Ответ ясен и подтверждается практикой управления процессами преобразовательной деятельности, в которые включены на основе отношений «власти–подчинения» люди. Реформатор – это руководитель процесса, человек, который инициировал реформы, стал их идейным

разработчиком. Однако человек, претендующий на статус реформатора, должен соответствовать следующим условиям.

Во-первых, он должен быть наделен максимальными властными полномочиями в структуре государственной власти, позволяющими ему выступать как инициатору и руководителю реформирования (например, реформаторы-главы государств (цари, монархи, президенты, премьер-министры) и реформаторы-министры).

Во-вторых, имея такое политическое положение, он должен разработать и осуществить реформу. Речь идет о потенциальных возможностях не только высказать идею реформирования, но и создать особый механизм преобразования того объекта (общественных отношений, институтов, структурно-функциональных связей), который своим изменением задаст новый вектор в развитии общества.

В-третьих, организовать распределение полномочий в команде исполнителей так, чтобы обеспечить эффективность в реализации реформирования. А это лишь подтверждает высказывание о соответствии понятия «реформатор» статусу руководителя процесса реформирования.

В-четвертых, социальная роль реформатора связана с лучшими представлениями и ожиданиями большинства членов общества.

Итак, первое и четвертое условия формируют понимание социально приобретенных ролевых навыков личности реформатора, а второе и третье условия формируют понимание соотношения внутренне присущих черт личности (особенностей психики, нейрофизиологических задатков процесса мышления). Понимание процессов приобретения или освоения социально-ролевых навыков реформатора связано с общим пониманием процессов социализации личности и освоения разновидностей социальной деятельности в процессе развития личности. Можно было бы сослаться на изученные механизмы социализации и обучения социальной деятельности личности, если бы не одно но. Все разновидности социальной деятельности в процессе обучения человек осваивает, практически применяя и используя их. Так, управленческой деятельности человек обучается в учебном заведении, а изучает на практике в своей трудовой деятельности менеджера. Реформированию же не обучают. Историкам не известны инструкции или работы по обучению реформированию. Известная работа XV в. Н. Макиавелли «Государь», рассматриваемая как пример тактики государственного управления, часто воспринималась безнравственной тактикой политического господства и удержания власти государя. Но и в ней не учат реформировать. Следовательно, речь может идти о неких социально сформированных представлениях о деятельности реформатора, которые транслируются в социально-культурном поле определенного общества. Данные представления формируют ценностные ориентиры общей оценки процесса и результата реформирования в общественном мнении или мнении специалистов (историков, социологов, политологов). То есть можно говорить о ситуации идентификации личностью себя как реформатора при осуществлении реформирования и ситуации

идентификации этой личности как реформатора в общественном мнении или мнении специалистов.

Возникает вопрос: каким образом социальные представления, идеи, мысли об историческом опыте реформирования могут быть причиной, формирующей активность проявления личности как реформатора? Парадоксальная сложность деятельной оценки личности реформатора заключается в том, что в процессе «внешней» реализации сознательные действия людей приобретают объективные характеристики естественных процессов, складываясь в непосредственную действительность практической жизни – человеческое бытие в социуме. Системно-деятельностный подход в научном анализе психики объясняет не личность в целом, а вполне определенную сторону бытия личности, ее эмпирически фиксируемые психологические и психофизиологические качества и свойства, которые формируются под воздействием и при активном участии самого человека (разнообразных социальных и чувственных предметных характеристик человеческой деятельности). В этом смысле система общественных деятельностей, в которой «Я» непосредственно «завязано», делает *меня* особым индивидом, задавая вполне определенное предметно-смысловое содержание *моей* психической жизни – потребностей, интересов, субъективной мотивации. Эта точка зрения была сформулирована С. Л. Рубинштейном. Тем, что субъект «делает, можно определить то, что он есть; по направлению деятельности можно определить и формировать его самого» [16].

Снова возникает вопрос: каким образом значение (понятие), мысль личности реформатора определяют ее активность, выступая в виде побудительной силы мотива, цели реформаторской деятельности? Ведь само по себе идеальное сознание (знание, значение и т.д.) не всегда существует как субстанциональное основание человеческого действия в мире. Очевидно, что предметная деятельность является не только предельным основанием формирования идеальных планов человеческого бытия, но и действительно исходным пунктом их деятельной реализации. Исследование практической реализации идеальных значений с необходимостью ведет к постановке вопроса о конкретной действующей личности. Попытка понять, как предметно реализуются идеальные планы, дает возможность сделать до этого неуловимый для объективного наблюдения внутренний мир реформатора достаточно фиксируемым с точки зрения описания внешних параметров деятельности. В этом смысле ее можно подразделить, по мнению А. Н. Леонтьева, на «отдельные (особенные) деятельности – по критерию побуждающих их мотивов». Далее он выделяет действия-процессы, подчиняющиеся сознательным целям. Эти операции зависят непосредственно от условий достижения конкретной цели [17].

В теории системно-деятельностного подхода принято считать, что субъективные мотивы творческой деятельности всегда осознаются и реализуются только объективно – в целеполагающих действиях и предметных операциях; в свою очередь, деятельность, действие получают предмет-

ную определенность лишь тогда, когда они связаны единым внутренним мотивом, сознательной целью или конкретной задачей. Поскольку реформатор реализует себя в социуме, вступая в разнообразные общественные отношения, то возникает закономерный вопрос не просто о единстве значения, направляющего реформаторскую деятельность и ее составляющие, а об основаниях субъективного синтеза многообразных деятельностей в единство индивидуального творческого преобразовательного. То есть вопрос о личности реформатора. Постигание процесса связывания различных деятельностей реформатора (познавательной, рефлексивной, преобразовательно-практической и др.), в результате чего формируются его личностная неповторимость и харизма, представляет собой исследовательскую задачу. Личность реформатора в деятельностном подходе понимается не как простое внутреннее средоточие внешних влияний, а как внутреннее мотивирование субъекта, которое активно действует вовне, реализует себя и этим изменяет вне-положенные объекты.

Откуда в таком случае возникает общее единство личности, связь той иерархии мотивов, которые действительно характеризуют и проявляют реформатора? Этот вопрос остается за пределами психологического анализа деятельности личности в рамках деятельностного подхода. В этой модели заведомо предположено, что деятельность вообще существует, что субъект способен к деятельности и выступает ее обладателем и движущей силой и что деятельность не инородна природным силам. «Личность вообще есть выражение жизнедеятельности ансамбля социальных отношений», а данная личность «есть единичное выражение совокупности этих отношений, которыми она непосредственно связана с другими индивидами – «органами» этого коллективного тела, тела рода человеческого», по определению Э. В. Ильенкова [18]. Личность определяется теми реальными, деятельными связями, которые вещественно-телесно связывают данного индивида с любым другим таким же индивидом, живущим в обществе и вступающим в общественные отношения. В свою очередь, проявление способности личности быть реформатором – это не просто процесс обучения знаниям, ценностям и т.д. Это процесс деятельного включения в общественную жизнь, подключения к конкретной совокупности практических взаимоотношений. В данном смысле есть различия между сущностью и существованием реформатора, как разницы между совокупностью социальных отношений и той локальной зоной данных отношений, в которых существует указанный индивид, той их ограниченной совокупностью, с которой он завязан непосредственно через прямые контакты.

Целостность личности реформатора состоит в ее социальности, а мера ее аутентичности совпадает со степенью связи между всеобщей человеческой сущностью и индивидуальным существованием личности. Вопрос принципиальной оценки личности реформатора упирается в понимание оснований той связи, которая существует между людьми, реформатором и социумом. Реформатор – рефлексивный феномен, который обнаруживает себя сам. Личность реформатора не может не отличать себя как та-

ковую, она сама идентифицирует себя как реформатора. Сама выделяет себя из мира, сознает свое собственное место в нем, свою общественную сущность. Смысловое единство мира для личности реформатора, присутствующее его мировоззренческому содержанию и в качестве самоосознания сопровождающее все представления реформатора об объекте преобразования, – это продукт теоретического синтеза и естественного следствия бытия человека в мире. Самоосознание личности реформатора универсально определяется ее миропониманием, которое складывается порой вне зависимости от имеющихся знаний об окружающей действительности. Практически константность личности реформатора переживается как сознание безусловной правильности своей социальной позиции, ее максимальной осмысленности – как убеждение. Вместе с тем понимание уникальных «миров» других личностей, столкновение с иным воззрением на мир и способностями иной самооценки, которые представлены человеческой культурой, позволяет личности реформатора критически оценивать собственное миропонимание.

Культурная мифологизация на уровне создания социальных утопий, которые призваны улучшить существование общества, формирует мировоззренческий ориентир реформатора. Зачастую это выражается в создании культурных идеалов-образцов великих личностей, повлиявших своей деятельностью на ход истории, которые настолько идеализируются, что теряют свои реальные существующие черты личности (социальные мифы). Несомненно, это связано с формированием символов реформаторства, несущих в себе содержания культурно-исторической эпохи, индивидуальности личности реформатора, ценностно-нормативных требований реформаторской деятельности. Поскольку деятельность реформатора признается созидательной в случае оценки ее результатов в пространственно-временном континууме жизнедеятельности социума, постольку мы можем говорить о том, что транслирование символов реформаторства в культурном поле всегда подвержено искажению в силу недостатка процесса интерпретации мифа. Может ли миф, идея реформаторства определенным образом повлиять на формирование в личности способностей к реформированию? Это вопрос об источнике реформаторской активности. Вопрос, обозначающий поиск сущностных сил личности реформатора, проявленных в его креативности и в материальном выражении в конкретных результатах реформаторского творчества в сферах социума.

Коль скоро креативность незримо сопровождает мыслительные процессы, то следует наш интерес обратить к феномену творческого мышления самой личности реформатора. Доминирующими методами его исследования являются логико-методологический и когнитивно-психологический подходы. Поскольку творческий акт является выражением максимальной эффективности работы всех компонентов мыслительной системы личности, постольку понимание его природы требует анализа и учета таких различных факторов, как закономерности организации и функционирования системы личностных смыслов, способов оперирова-

ния ими (с учетом специфики символической образной репрезентации информации), наличие определенной обусловленности компонентов мыслительной активности, влияние языка на характер восприятия и оценки информации и др. Одним из наиболее существенных параметров когнитивно-психологического подхода [19] является рассмотрение субъекта как действующего, активно воспринимающего и продуцирующего информацию, руководствующегося в своей мыслительной деятельности определенными планами, стратегиями; рассмотрение организации активности личности как иерархической, а не линейной.

Креативное отношение к процессу реформирования, как и другие отношения личности реформатора, отражает, прежде всего, поисково-преобразовательную сущность и потребность самой личности. Это отношение проявляется в поисково-преобразовательной активности объекта и в реализации через преодоление стереотипа поведенческого акта, создание новых системных объектов с одновременным совершенствованием вариативности и продуктивности качества действий личности реформатора. Создание, видоизменение, воздействие на объект, продуктивность выступают как результат осуществления реформаторской деятельности, а креативность в данном процессе выступает как детерминанта всего творческого процесса: от создания идеального образа видоизменения объекта, разработки механизма реформы до практического воплощения цели реформирования. Вероятнее всего, именно креативность будет выступать одним из ведущих свойств личности реформатора интегративно-комплексного характера, связанного практически со всеми другими ее свойствами [20–23].

В современных исследованиях социальных психологов [24, 25] была высказана идея выделения определенных психических особенностей личности, позволяющих ей проявлять себе более активно в социальной деятельности, чем другие. Выделение таких ведущих свойств психики, как логичность мышления, развитость интуиции, интровертированность –экстравертированность, сенсорные возможности в их сочетании или в выделении ведущими двух или трех свойств, дают одной личности психические преимущества в скорости обработки информации, прогнозировании, размышлении и обучении по сравнению с другой. Очень интересно исследовательское мнение В. В. Гуленко, который на основе теоретических и психологических разработок проанализировал социотипы российских реформаторов и попытался выявить социотип реформатора, наиболее характерный для успешной реализации в России [26]. Лучший социотип «Администратор» в сочетании таких психических особенностей, как логика, сенсорность и экстравертированность личности, формируют лучшие административные характеристики и успешность реформатора. Но В. В. Гуленко утверждает, что реформатор должен быть не один, а работать в четверке, активизирующей и дополняющей его личностные способности в реализации деятельности. Причем со сменой общественно-экономического уклада и сменой кого-то из четверки может измениться ведущая роль логики, сенсорности или экстравертированности в участниках всей

группы, потому что уходит человек, усиливающий и стабилизирующий основные черты психики участников группы. В анализе социотипов таких реформаторов, как Павел I, М. Сперанский, П. Аракчеев и других, он делает вывод, что всегда среди реформаторов в России выделяются социотипы «Маршала» и «Наставника» [26]. Возможно, все выводы, сделанные В. В. Гуленко, трудно принять как научные выводы, но в них есть одно рациональное зерно. Несомненно, личность, ставшая реформатором, обладает определенными уникальными психическими способностями, позволяющими ей быть лучшей среди подобных. Мнение о работе в команде и усилении ведущих ценностных ориентиров и свойств личности благодаря общему духу команды – идея достаточно справедливая и характерная для многих теорий коллективной социальной деятельности. Однако нужно отдать должное В. В. Гуленко, что он на основе понятия социотипа в соционике все же предпринял анализ реформаторов и попытался выделить некий идеальный социотип, успешный в реформировании российского общества.

Многие специалисты едины во мнении о влиянии личностных смыслов человека на его социальное поведение и его преобразовательную активность. Реформатор – прежде всего личность, живущая в определенном обществе с культурно-историческими традициями и определенной общественно-политической ситуацией. Справедливы будут ситуации, формирующие следующие личностные смыслы реформатора в рамках концепции «вызов–ответ»:

- под влиянием политики как борьбы за власть;
- под влиянием геополитической обстановки в мире;
- под влиянием экономических процессов конкуренции, расширения рынков, кризисных явлений в экономических структурах;
- под влиянием процессов социального и культурного производства, в борьбе за статус и престиж отдельных деятелей или социальных групп;
- под влиянием сложных изменений человеческих качеств, порождающих потребности не в адаптации к внешней среде, а в ее активном изменении под свои нужды.

Отвечая на экономические, политические, культурные и социальные вызовы, общество вырабатывает ответы, возвращающие его к фазе стабильности [27]. Очень часто в критические периоды дестабилизации используются реформы в качестве адекватного нейтрализующего ответа, способного безболезненно вывести общество или его подсистемы из кризиса.

Примером информации, степень неосознанности которой достаточно велика, является анализ содержания бессознательного психики личности. Стимулом к целеполаганию и активной социальной деятельности личности А. Адлер считал стремление к превосходству и социальный интерес [28]. Уже с пяти лет у ребенка формируется жизненная цель как фокус его стремления к превосходству. Малоосознанная в детские годы жизненная цель становится источником мотивации, силой, организующей жизнь и придающей ей смысл. Другим компонентом индивидуаль-

ного бессознательного являются устоявшиеся представления, имеющие характер когнитивных, мировоззренческих, методологических «штампов», на которых базируется концептуальная система мышления человека, которую К. Юнг рассматривал как структурные элементы психики, являющиеся необходимыми априорными детерминантами всех психических процессов [29]. Юнг считал, что коллективное бессознательное детерминирует развитие личности на выполнение ее той или иной социальной роли [30]. Э. Фромм проблему об источниках преобразовательной деятельности человека в социуме выражает через понимание социального характера – «как результата динамической адаптации человеческой природы к общественному строю. Изменение социальных условий приводит к изменению социального характера, то есть к появлению новых потребностей. Эти новые потребности порождают новые идеи, в то же время подготавливая людей к их восприятию. Новые идеи в свою очередь укрепляют и усиливают новый социальный характер и направляют человеческую деятельность в новое русло. Иными словами, социальные условия влияют на идеологические явления через социальный характер, но этот характер не является результатом пассивного приспособления к социальным условиям; социальный характер – это результат динамической адаптации на основе неотъемлемых свойств человеческой природы, заложенных биологически либо возникающих в ходе истории» [31]. Значительные социокультурные влияния взаимодействуют с уникальными человеческими потребностями в процессе деятельности личности в социуме. Структура характера личности связана с определенными социальными структурами. В итоге общественно-историческая практика определяет тип социального характера личности. В данном случае появление реформатора есть динамический процесс, в основе которого лежит адаптация человека к социуму. Субъективная определенность бессознательного в теории персоналогии Г. Меррея локализована в мозге: «Нет мозга – нет личности». Активность деятельности личности проявляется в ее потребностях. «Потребность – это конструкт, который обозначает силу, действующую в мозге, силу, которая организует перцепцию, аперцепцию, интеллектуальную деятельность, производимую деятельность таким образом, чтобы наличная неудовлетворительная ситуация трансформировалась в определенном направлении» [32].

Нельзя утверждать, что все эти психологические содержания существенным образом влияют на результаты восприятия информации, ее оценку и переработку личностью. Но поиск источника реформаторской активности именно в психике отвергать не стоит. Вторая плоскость, в которой можно рассматривать закономерности функционирования системы личностных смыслов реформатора, – это анализ психических содержаний, связанный с ролевой установкой, которую выбирает личность реформатора. Существенным моментом становления системы личностных смыслов является формирование понятий, значений. Изучая этот процесс, Х. Дочер отметила, что «первое впечатление оставляет след в нашей памяти, в соответствии с которым впоследствии размещается ин-

формация. Этот способ организации информации характерен для раннего развития ребенка: не результат сравнения многих впечатлений, который ведет к обобщающему понятию, а одно важное первое впечатление, в соответствии с которым позднее получаемая информация будет классифицироваться» [33]. В отечественных исследованиях долгое время источником креативности и преобразовательной деятельности определялись не субъективные стремления, а осознанные объективные факторы действий и поступков. Такие размышления строились на утверждении Маркса, что «люди привыкли объяснять свои действия из своего мышления, вместо того чтобы объяснять их из своих потребностей (которые при этом, конечно, отражаются в голове, осознаются)...» [34]. Побудительные силы социального действия – это осознанная рефлексия над потребностями и путями их реализации.

Понятию «потребность» придается различный смысл: потребности выражают реальные противоречия в сознании субъекта как его вовлечение безотносительно к реальному положению дел и возможностям реализации, так и вполне определенное, но чисто субъективное стремление [35]; потребности как единство субъективного и объективного содержания отмеченного противоречием [36]; потребности как предметы и явления, реально необходимые личности (социальной группе, классу, обществу) для осуществления жизнедеятельности [37]. Эти точки зрения предполагают друг друга, отражая реализацию и «прорастание» одного и того же фундаментального противоречия человеческой жизнедеятельности на различных уровнях целостности социального субъекта. Это противоречие реального и необходимого, существующего и должного. Потребности как исходное возникновение социального действия личности реформатора разворачиваются в объективном и субъективном планах. В последнем случае, будучи осознанным личностью, это исходное противоречие становится мотивацией. Мотивация есть субъективное выражение и проявление потребности как исходного противоречия, лежащего в основе преобразовательной деятельности; она – результат рефлексии, деятельности сознания по осмыслению личностью социальной действительности и себя в ней. Мотивы связывают как с побуждением, так и с реализацией конкретных деятельностей. Различают два начала, составляющих мотивацию: во-первых, начало, побуждающее к действию и направляющее его; во-вторых, начало, динамизирующее действия в социуме, актуализирующихся во внешних проявлениях за счет предпринимаемых усилий [38]. В первом случае имеется в виду стремление, во втором – динамизирующее усилие. И стремление, и усилие являются бимодальными понятиями. Стремлением является и собственно стремление к чему-либо, и избегание чего-либо. Аналогичное усилие может быть как побуждающее, так и сдерживающее. В обоих случаях речь идет о позитивном и негативном выражении одного и того же.

В той мере, в какой стремление является осознанным, оно выступает интересом. Интерес есть выражение сознания необходимости удовлетворения той или иной потребности. Поэтому именно с интересом начина-

ется собственно мотивация, но к нему не сводится. Мотивом становится не сама потребность, а образ ее удовлетворения, имеющийся в опыте и сознании личности реформатора как определенная программа на реализацию потребности. Поэтому действенной мотивацией интерес станет тогда, когда потребность получит обоснование необходимости и возможности ее удовлетворения, модифицируясь в конкретной предметной цели реформирования. Цель – суть образ желаемого будущего, конкретного результата. Однако можно иметь четкие цели, но не иметь возможности реализовывать свои действия. Речь идет о том, что направленность реформаторской деятельности должна дополняться и подкрепляться представлением о возможности его совершения, когда намерения развертываются в конкретную программу действий. В связи с этим необходимо дополнить намерение (интерес, конкретизированный в целях) таким компонентом мотивации, как потенциал личности реформатора, отражающий знание реформатором средств, путей и возможностей достижения целей.

Реформатор как социальный субъект, наделенный властными полномочиями, вынужден опираться не только на знания, но и на целый ряд иных регулятивов. Долженствование человеческого действия реформатора не определяется однозначно только истинностью имеющегося знания и теоретических рассуждений. Определенную роль играют социальные потребности, цели и задачи общественной практики, придающие использованному знанию направляющий и избирательный характер и рациональность как единственные характеристики идей, решений и действий, присущие не только знанию, но и любой целесообразной социально-практической деятельности. Взаимодействие реформатора и других его участников реформационного процесса носит представительно-обязывающий характер. Представляя субъекту власти (управомоченной стороне) право на определенный вариант поведения, одновременно происходит обязывание других участников процесса к соответствующему поведению. Обычно в нормах права вводятся санкции в случае неисполнения возложенных обязанностей участниками реформационного процесса. Это указывает на категоричный характер взаимодействия всех участников реформационного процесса. Для участников включенность в него представляет собой не просто рекомендацию, как вести себя в данной ситуации, а государственное веление, предписание, определяющие пределы данного поведения, все права и обязанности сторон в процессе реформирования.

Отдельные деятели (работники административно-хозяйственных структур субъектов федерации), наделенные в своем статусном положении полномочиями власти как «социальные субъекты», воспринимают преобразовательные, реформаторские идеи и реализуют их в деятельности, получая на это политико-правовые и административно-экономические разрешительные санкции в виде законов, постановлений, указов власти. Но ведь то, что они реализуют реформу, предназначено для всех членов общества. И здесь важно увидеть деятельность и интеллектуаль-

ное приятие тех социальных субъектов, на жизнедеятельности которых непосредственно сказывается изменение.

Реформационный процесс основывается на системе норм, которые устанавливаются, санкционируются, изменяются или отменяются только государством. Осуществление реформационных действий неотделимо от государственной власти и, обладая правоспособностью издавать указы, распоряжения, принимать социально-экономические программы или проекты по реформированию, субъект власти (президент, глава ведомства или губернаторы) действует в рамках своих полномочий, утвержденных действующей конституцией или специальными законами. Несомненно, в ходе общественной практики выясняется потребность в законодательном закреплении новых полномочий или изменении регламента деятельности, и тогда система существующих норм меняется. В современном государстве полномочия субъекта власти всегда определены существующей в государстве формой правления, политическим режимом и территориально-административным устройством государства. Инициаторами реформирования могут быть любые социально-политические силы, а вот правоспособностью объявить официально курс реформ, распорядиться о разработке механизма реформирования, обязать должностных лиц осуществлять процесс реформирования в своих регионах и ведомствах обладает лишь субъект власти, наделенный в соответствии с существующей в государстве формой правления (президент, премьер-министр, глава правительства и т.д.).

Итак, можем ли мы говорить о личностных и социально-ролевых чертах, позволяющих выделить некий идеальный тип (абстрагированную модель) реформатора? Поскольку речь идет об идеальном теоретическом конструкте, позволяющем в общих чертах отражать разнообразие реальных личностей реформаторов, то, несомненно, можем. На основании изложенного реформатор – это инициатор, руководитель и деятель, осуществивший реформу. Существенным отличием понятия «реформатор» является профессиональная деятельность, связанная с управлением общественными процессами, ее прогрессивная роль в осуществлении реформирования общественных отношений, институтов, структурно-функциональных связей, способствующего развитию той или иной сферы общества и со временем свидетельствующего о разрешении противоречий, сдерживающих общественное развитие, об улучшении структурно-функциональной деятельности общественных институтов, о внесении новых созидательных моделей социального взаимодействия.

Литература

1. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ita_rus/109813/реформатор
2. URL: http://www.elcrm.idknet.com/martin_luter___reформатор.htm
3. URL: <http://www.svitlo.by.ru/istoria/istreform/istreform15.html>
4. URL: <http://www.pushkin.biografy.ru>
5. URL: <http://www.mozart.org.ru/biography.php?6>

6. URL: www.muzcentrum.ru/news/2009/05/item1910.html
7. URL: www.russedina.ru/frontend/library/persons?id=1433
8. URL: <http://www.rusmilestones.ru/day/show?id=51115>
9. URL: www.bulgaria.allbusiness.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=296
10. URL: <http://www.emigranty.ru/news.php?nid=34235>
11. URL: <http://www.idelo.ru/469/19.html>
12. URL: <http://www.ucheba.ru/referats/11206.html>
13. URL: www.lexed.ru/pravo/theory/olesek2006/?24.html
14. URL: www.hrono.ru/libris/speran02.html
15. URL: <http://www.g808.ru/text.php?sText=reformator>
16. *Воронович Б. А.* Созидательный потенциал человека : социально-философское исследование / Б. А. Воронович. – М. : Наука, 1988. С. 82.
17. *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М. : Наука, 1983. – С. 109.
18. *Ильенков Э. В.* Что же такое личность? / Э. В. Ильенков // С чего начинается личность? – М. : Наука, 1983. – С. 330.
19. Когнитивная психология : материалы финско-советского симпозиума. – М., 1986.
20. *Gilford J. P.* Intelligence : 1965 model / J. P. Gilford // Amer. Psychologist. – N.Y., 1966, Vol. 21.
21. *Gilford J. P.* Creative talents : Their nature, uses and development / J. P. Gilford. – Buffalo ; N. Y., 1986.
22. *Torrance E. P.* The nature of creativity / E. P. Torrance. – N.Y., 1988.
23. *Torrance E. P.* Assessing the further research of creative potential / E. P. Torrance, L. K. Hall // J. of creative behavior. – 1980. – Vol. 14.
24. *Аугустинавичюте А.* Соционика. Введение / А. Аугустинавичюте. – СПб., 1998.
25. *Юнг К. Г.* Психологические типы / К. Г. Юнг. – М. : Республика, 1994.
26. *Гуленко В. В.* Образ русского реформатора. Социоанализ кризисных явлений в обществе / В. В. Гуленко // Соционика, ментология и психология личности. – М., 1999. – № 5. URL: <http://www.socioniko.net/ru/articles/reform.html>
27. *Розов Н. С.* Общественно-политические кризисы – причины и возможности преодоления / Н. С. Розов // Вестник НГУ. – Новосибирск, 2007. – Т. 5, вып. 1. – С. 42.
28. *Adler A.* Superiority and social interest : A collection of later writings / A. Adler. – Ewanston, 1964.
29. *Jung C. G.* Analytical psychology : Its theory and practice (The Tavistock lectures) / C. G. Jung. – N. Y., 1968.
30. *Юнг К. Г.* Архетип и символ / К. Г. Юнг. – М., 1991.
31. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 1990. – С. 259.
32. *Murray H. A.* (and collaborators). Explorations in personality. – N. Y., 1938. – P. 123–124.
33. *Daucher H.* Creativity as a Structural Problem of Thinking / H. Daucher // Creativity Research. International Perspective. – New Delhi, 1980. – P. 81, 82.
34. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 21. – С. 493.
35. *Лебедев А. Б.* Духовное производство / А. Б. Лебедев. – Казань, 1991.

36. *Леонтьев А. Н.* Потребности, мотивы, эмоции / А. Н. Леонтьев. – М. : Наука, 1996.

37. *Здравомыслов А. Г.* Потребности. Интересы. Ценности / А. Г. Здравомыслов. – М., 1986.

38. Мотивационная регуляция деятельности и поведение личности. – М., 1988. – С. 45.

Кемеровский государственный университет

*Грицкевич Т. И., кандидат философских наук, доцент кафедры философии
E-mail: taigree@yandex.ru
Тел.: 8-923-607-16-25*

Kemerovo State University

*Gritskevich T. I., Candidate of Philosophy, Dozent of Philosophy Department
E-mail: taigree@yandex.ru
Tel.: 8-923-607-16-25*